

Он пьет вино из одуванчиков и учит «Азбуке любви»

Актера Евгения Герчакова мало кто знает. Он один из тех, к кому фортуна поворачивается лицом в далеко не юношеские годы. И вдруг, неожиданно для многих, Герчаков появился на экране. В отечественной «мыльной опере» под многообещающим названием «Азбука любви».

— Мне было достаточно посмотреть одну серию.

— Поэтому вы меня и не видели. Я появляюсь в третьей серии. Не скажу о фильме, что это большая удача, но по крайней мере меня не ругают. В театре тебя видят 100, 200, 300 человек. А когда тебя видят миллионы, то просто в лицо могут сказать: ну бездарность! Меня узнают на улице, благодарят.

— Неужели ради этого стоит сниматься?

— Нет, конечно, нет.

— Вы замечательно поете. Так почему все-таки не подались в театр оперетты, какой-нибудь музыкальный театр?

— Я учился в училище имени Гнесиных у великого режиссера музыкального театра Льва Дмитриевича Михайлова. И, конечно, с удовольствием пел бы в оперетте. Но после окончания училища меня заметил и пригласил к себе в Театр Советской Армии Андрей Попов.

— Трудно было работать в самом подцензурном театре?

— В нем заставляли ставить множество военных спектаклей. Ростислав Горяев, сменивший вскоре Попова, хотел поставить «Ромео и Джульетту». Тогда министр «оборонной» культуры всей армии спросил его: «Чья инсценировка?»

Горяев обалдел — он был ко всему готов. Но чья инсценировка?.. После серьезных раздумий сказал: «Подождите, подождите... моя!» Но спектакль так и не был поставлен. С этим театром связано много интересных воспоминаний.

Например, когда Горяев ставил спектакль «Мы — русский народ», в котором были колоссальные массовки — солдатские полки, — я встретился с Сашей Ширвиндтом:

— Ну как там у тебя дела в театре?

— Да ничего, репетируем.

— Что за спектакль?

— Мы — русский народ.

— Да где ж вы столько русских в театре вашем возьмете?

— Все-таки вас больше помнят по «Театру миниатюр», а потом и театру «Эрмитаж» Михаила Левитина...

— В этом театре я проработал двенадцать лет. Левитин, Карцев и Ильченко — одесситы — дружили. Любу Полищук Левитин увидел в мюзик-холле. Обэриутский театр для Левитина не только на сцене, но и в самом принципе театральной жизни. «Хармс! Чармс! Шардам! или школа клоунов», «Парижская жизнь», «Вечер в сумасшедшем доме». Меня настолько считали актером этого режиссера, что так везде и писали.

— И все же вы ушли из этого театра?

— В моем представлении существует определенный театр, назовем его «Театр одинокого актера».

— И кто в нем режиссером?

— Бог. Он меня направляет.

— О какой роли мечтает одинокий актер? Может быть, она уже сыграна?

— Всю жизнь я мечтал сыграть Сирано де Бержерака. И кто знал, что для исполнения этой мечты мне надо только выйти в «нейтральные воды»: готовлюсь сыграть Сирано в женевском муниципальном театре «Докураж».

— Месяц работы в Швей-

царии. Сложно репетировать, не зная языка, в чужой стране, с чужими «правилами игры»?

— Как ни странно, легко. Заучивал роль, написанную русскими буквами. Играл в спектакле «Зигмунд» душу Зигмунда Фрейда. Поскольку душа у человека поет или должна петь, я все время пел, лишь изредка изрекая что-то. Швейцарский театр традиционен и общедоступен, с огромными декорациями и с психологической школой. После эксцентричного «Эрмитажа» попасть в такой театр было очень занятно. Я себя почувствовал во МХАТе. Все время искал глазами Ефремова: где Ефремов? Мало динамики и действия, зато много информации много слов. Это популярно. Театр просвещает, а люди смотрят с удовольствием. Каждый вечер — битком 700 человек.

— Там учат — и зрителю нравится. Но почему нашего зрителя, которого учат, как никого другого, невозможно не только завлечь в театр, но и удержать хотя бы до середины первого отделения?

— Играть при полупустом зале ужасно. Некоторые говорят, что хуже онанизма ничего нет, так вот кто это говорит, пусть при полупустом зале и играет. Нельзя сказать, что люди не знают те-

атра, хотя есть и такие. Главное — публика не доверяет. Плохо, когда в театре нет сильного, ярчайшего спектакля, что называется, «визитной карточки», после которого театр взлетает. И очень опасно, когда такой спектакль есть. Он становится лакмусовой бумажкой — хуже нельзя. В «Эрмитаже» такой спектакль «Хармс», который идет вот уже 13-й год.

— Но теперь вы свободный человек и артист. Вам не с кем сверять свои планы, не надо подстраиваться под чужой ритм работы. И все-таки снимаетесь в «Азбуке любви», о которой не очень высокого мнения...

— Сейчас для меня колоссальная опасность быть забытым — ушел из театра и растворился. Распадаются и закрываются театры, все держится за свои места, получая при этом копейки. Однако в Швейцарии мне дали огромный энергетический заряд: я впервые себя почувствовал не только артистом, но и человеком. Меня называли там не иначе как «гранд-артист».

— Но без работы-то здесь вы не сидите?

— Кроме «Азбуки любви», снимаюсь в четырехсерийном телевизионном фильме по Рею Бредбери «Вино из одуванчиков» (режиссер Игорь Апасян), на который периодически не хватает денег. С Лией Ахеджаковой мы снимаемся в двух главных ролях — мужа и жены. Необычная игра, необычное партнерство. Говорят, обалденное сочетание. Может быть, у нас с ней будет какое-нибудь продолжение. В кино или театре.

— В авангардном фильме режиссера Вадима Гемса «Старуха», по Даниилю Хармсу, вы сыграли свою единственную пока главную кино-роль — старуху.

— За старуху меня наградили на фестивале «Киношок» призом за лучшую женскую роль.

— Так все же кем вы себя ощущаете? Опереточным, драматическим или киноактером?

— Классификация не имеет никакого значения. Главное — считать себя артистом. И тонко оценивать то, что делаешь.

Ольга ЛИТВЯКОВА.

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА.